

Я бы никогда не решился написать это. Меня убедил «взяться за перо» мой друг. Сказал, что это необходимо сделать. Нужно даже не мне, а тем, кто ещё не шагнул за роковую черту. Чей разум ещё не затуманен «кайфом». Кто ещё не утратил способность думать и здраво смотреть на вещи, но близок к потере этого дара. Или уже пошёл по этому пути, лишённому всякого смысла, исполненному жестокости и бессмысленных жертв, отбирающему самое ценное.

Это история о личной трагедии, которая уже свершилась. И сколько бы я ни сетовал, сколько бы ни «кусал локти» – время неумолимо, и сожжённые оксидом марганца нейроны мозга не оживут. Это история инъекционного наркомана, который за какой-то год успел превратить в кошмар жизнь свою и близких.

Я родился в городе Киеве 2 декабря 1982 года. Моя мать работала в проектно-инженерном институте инженером. Отец был специалистом в области электроники и автоматики. Наша семья не была богата, но и особой бедностью не отличалась. Я рос чрезвычайно активным и способным ребёнком. Схватывал всё на лету. Рано научился читать и писать. На меня возлагали большие надежды, мною гордились. Однако, как стало ясно теперь, все надежды я безжалостно разрушил. А на место гордости пришёл стыд и сокрушение.

Я начну с того момента, который стал определяющим, поворотом во тьму.

Мне кажется, всё началось с юношеской спеси, дурной, протестующей силы, которая норовит всё сделать наперекор и постоянно держит себя в оппозиции по отношению к здравому смыслу и ко всем увещаниям рассудка. И если мне говорили что вот, это плохо, я обязательно поступал именно таким образом. Лишь только моя интуиция улавливала какие-то поползновения добрых нравов в мою сторону – я тут же пытался опорочить их всяческим образом, обескуражить, нанести оскорбление и обиду, и делал это блестяще. Действуя подобным образом, я ощущал некое извращённое удовольствие, подобное удовольствию садиста. Оглядываясь назад, я испытываю боль. Я вижу, сколько я нанёс ран ни в чём не повинным людям. Я вижу свою первую любовь, которую я лично срубил топором дури, и ещё много моментов, которые доставляют мне страдание...

В какой-то момент этот протест сделал своё дело. Я перестал отличать «чёрное и белое». Появились новые знакомства, сомнительного характера. Появился интерес и тяга ко всему дурному. То, что должно отталкивать, начало притягивать меня. То, что должно вызывать сомнение, рождало во мне уверенность. То, что должно вызывать ненависть, к тому я питал любовь. И так, сам того не заметив, я стал на путь потерь. Осознавал ли я это? Нет. По той причине, что кайф отнимает самое ценное, он отнимает разум. А взамен даёт безумие. Безумие в наихудшем его виде, когда совершается подлая подмена понятий. И вроде бы всё ещё нормально, но зерно Истины уже утрачено, возможность здраво смотреть на вещи похоронена в глубинах кайфа. А разум захлебнулся в водах порока.

Во дворе, где я тусовался, был знаменитый на весь район подвал, своего рода underground. Он был неплохо оборудован общими усилиями, были диваны и даже ковёр. В этом подвале взрослело не одно поколение, это было культовое место, песни под гитару, первый секс и всё такое. И вот, в один «прекрасный день» я был удостоен чести покурить ганжа (canabis indica, конопля), мне было лестно получить такое приглашение от «взросляков», как мы называли старших товарищей. Первый психоделический опыт был колоссальный по своей интенсивности и по тем впечатлениям, которые он оставил. Это была инициация, в идеальный мир, в мир, где всё возможно, в мир, где все равны, в мир моей мечты. И я стал курить ганж, и мне это нравилось, более того, это был образ жизни, некое виденье, проникнутое мистическим духом. В этом направлении всё складывалось как нельзя лучше. Ко мне липли соответствующие знакомства, одним из которых было знакомство с одной девушкой. Она работала клофелинщицей (так называют мошенниц, которые подмешивают снотворное в выпивку нерадивым любителям удовольствий, с целью обокрасть их до нитки) на одного киевского авторитета и по совместительству торговала травой. Последнее и определило нашу встречу и способствовало укреплению этой «дружбы». Она была очень привлекательной брюнеткой, но как мне ясно теперь «ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней». Это знакомство ознаменовало целый период, период моего «взлёта». Мой авторитет значительно вырос благодаря этому знакомству, я стал очень

востребованным человеком в нашей компании. До сих пор помню то чувство, когда зимним вечером я шёл с пакетом травы в кармане, а в подвале меня с нетерпением ждали «взросляки» и мои сверстники, да это была гордость, которую я любил и лелеял. И мы «раскуривались», включали ультрафиолет, и я попадал в свой мир. Так продолжалось около года. Следует отметить, что я неплохо учился в школе, но к середине девятого класса я начал охладевать к учебе. Я считаю, что это было обусловлено курением ганжа, хотя тогда я этого не осознавал и даже наоборот, был убеждён в обратном. Помнится, как по «накурке» моё воображение рисовало изумительные картины будущего. В котором я преуспевающий во всех отношениях человек. Как я выстраивал «гениальную» стратегию своей учёбы и карьеры. Все это было чрезвычайно реалистично. Но вот, действие ганжа заканчивалось. Я просыпался следующим утром в совершенно ином мире. В мире реальном, главный аргумент которого – это «здесь и сейчас», и который посмеивается, глядя на мои психоделические «прозрения». Станным образом, от вчерашней блестящей стратегии и энтузиазма не оставалось и следа. И лишь только далёкие, смутные и неясные очертания оставляли свой привкус и неприятное ощущение какой-то тревоги. Вечером же всё повторялось опять, мне давали деньги и я шёл за травой и мы накуривались снова. Примечательно, что каждая следующая «накурка», была не похожа на все остальные и казалось, психоделическое вместилище не имеет дна. Сколько я ни трудился постигнуть природу этого явления, как я ни силился проникнуть в эту тайну – она ускользала у меня из под носа, как будто я пытался поймать свою тень. И это продолжалось снова и снова.

Я поступил в институт, как говорится, по инерции, лишь благодаря старому багажу знаний и исключительной, интуитивной эрудиции, дарованной мне Господом Богом. Это был Межотраслевой институт управления (МИУ), дочернее ответвление Международной Академии Управления и Права (МАУП). Сейчас, оглядываясь назад, я вижу беспрестанное вмешательство Всевышнего, в бесконечные частности моей обыденной жизни. Так, например, на выпускных и на вступительных экзаменах мне несказанно «везло». Это выражалось в том, что мне попадались лишь те вопросы, в которых я прекрасно ориентировался, а те, с которыми я был абсолютно не знаком, подозрительно меня избегали. Да и за два года моей двойной психоделической жизни у меня, как это ни странно, не было ни одного столкновения с правоохранительными органами. Тогда я не придавал этому значения и списывал всё это на везение и удачу.

Быть может, всё сложилось бы не так плохо, если бы не эта девушка, назовём её Настя. Мои регулярные рейды за травой значительно сблизили меня с ней и я частенько засиживался у неё в гостях. Мы накуривались и проводили вместе время, играли в нарды, я рассказывал о различных занимательных вещах, почерпнутых мною из учебников истории. Особенно ей нравилось слушать про Александра Великого. Ганж создавал неповторимый антураж и красочные, живые декорации этим рассказам. Она принадлежала преступному сообществу и была девушкой одного авторитетного человека, по прозвищу Матрас. В силу этого, её дом был своего рода «малиной» (так называется регулярное место сбора различного рода преступников, наркоманов и т.д.), где собирались люди преступных профессий – наркобарыги, карманники, сутенёры и прочие заскорузлые грешники. Не трудно догадаться, каким образом я был втянут в это движение. Матрас был мужчиной средних лет, в очень хорошей физической форме, у него было красивое, мужественное лицо. Ко времени моего с ним знакомства, он отсидел семь лет за вооружённое ограбление инкассаторов. Он мне весьма симпатизировал, подобно той симпатии, которую испытывает опытный охотник и воин к только что прошедшему обряд инициации юнцу. Я был привлечен этим чувством симпатии и питал к нему подлинное уважение, ориентировался на его авторитет. С ним я пошёл на своё первое дело и у него я научился различным воровским хитростям и перенял основные приёмы этого преступного промысла.

Дальше – больше. Будучи уже завсегдаем этой «малины», я был обречён на знакомство с тяжёлыми наркотиками. Хорошо помню первый укол, это был «винт», суррогатный наркотик на основе эфедрина. Чрезвычайно приятный, плавный приход, за которым следуют неимоверная физическая и интеллектуальная активность. Под его действием можно сутки не есть и не спать, сохраняя при этом удивительную выносливость и внимание высокой интенсивности. Так была сорвана «последняя печать», которая освобождала меня от естественной морали и не удерживала меня более перед ужасными и отвратительными поступками, с которыми была сопряжена моя деятельность. Пути отступления были отсечены, приборы природной навигации разбиты, а спасительные мосты взорваны...

Через какое-то время по району прокатилась волна арестов и милицейских облав, в результате чего, практически все барыги и «варщики» (так называют кустарных химиков) получили определённый срок. Наступили тяжёлые для наркоманов времена, когда за «дозняком» (суточной дозой) приходилось ехать в другой конец города и часто возвращаться ни с чем, жестоко страдая на «кумаре» (синдром абстиненции, в простонародье «ломка»).

Тогда-то я и узнал рецепт этой отравы, и этой чумы. Не буду рассказывать, кто научил нас готовить эту дрянь, по той причине, что у каждого своя голова, и перекладывать ответственность и вину на чужие плечи – это как минимум проявление малодушия. Расскажу лишь, что готовилось это зелье чрезвычайно просто. Основным компонент представлял собой лекарство от простуды в виде капсул. Все составляющие абсолютно доступны, их можно приобрести практически в любой аптеке и к тому же недорого. По своему действию эта гадость напоминает «джеф» (разновидность суррогатного наркотика на основе эфедрина), только с более слабым действием. Самое ужасное, это дозы, в которых измеряется эта отравка. В зависимости от концентрации, наша суточная доза составляла от 120 до 500 см³, то есть, грубо говоря, пол литра по вене. Этот период я помню достаточно смутно, по той причине, что каждый день повторялся один и тот же сценарий. Летом утро у меня начиналось приблизительно в полдень, лёгкий завтрак, 3-4 сигареты, два телефонных звонка и дома меня уже нет. Обычно всегда, у меня или у моих друзей, оставался ганж на

утро. А если нет, то я брал его в долг, пользуясь знакомством и доверием. У меня было два друга – Егор, мой одноклассник и Вахтанг, один из «взросляков», с которыми я кололся практически каждый день в течение года, и с ними же я ходил на дело. И вот, мы накуривались в подвале, и строили планы на вечер. Бывали случаи когда уже с вечера у нас был «набой» (так называется заблаговременная наводка на определённый объект с целью кражи или грабежа) на богато обставленную квартиру. И пока хозяин был на работе, мы тщательно её очищали от всех ценностей. Золото, деньги, аппаратура, иногда предметы антиквариата. После каждого удачного «дела», мы накупали компонентов и кололись в подвале. Обсуждали детали, смакуя особо опасные моменты, перебирая по минутам наши действия, учитывали промахи, анализировали. Это доставляло удовольствие, особенно в сочетании с действием наркотика. Так продолжалось каждый день, пока не заканчивались деньги. Затем весь цикл повторялся снова, и снова, и снова. Не смотря на такой образ жизни, родители ничего не ведали об этом. Я сохранял видимость «благополучия» и всячески скрывал всё, что могло скомпрометировать меня в глазах отца и матери. Как мне стало известно теперь, материнское сердце уже тогда было терзаемо ощущением тревоги, объективной причины которой, моя несчастная мать знать не могла.

Так прошёл год. И, очевидно, продолжаться до бесконечности это не могло. После очередной квартирной кражи я понёс на радиорынок видеомаягнитофон с целью обменять его на деньги. Я плохо соображал на тот момент, помню только, как меня аккуратно взяли под руки и вежливо попросили «пройти». Зайдя в опорный пункт милиции, мне задали вопрос: «Откуда техника, а?» Я ответил, что это личное имущество и что документация к нему давно утеряна. Однако такой ответ их, почему-то, не удовлетворил, и я получил звонкую затрещину, после чего прозвучал тот же вопрос, только уже в горячей матерной аранжировке. Я был упорен и стоял на своём и стойко держал удары и оскорбления. Поняв, что со мной каши не сварить, их предводитель, капитан милиции, совершил телефонный звонок в районное отделение и через пять минут выяснил, что видеомаягнитофон с таким серийным номером числится за квартирной кражей трёхдневной давности. Я влип.

В отделении били недолго. На вторые сутки я подписал «явку с повинной» по своему эпизоду и без особых промедлений был этапирован в КПЗ. Лишение свободы действовало на меня самым тяжёлым образом. Следует отметить, что зависимость от этой гадости несколько отличается от обычной опиатной ломки. И сопровождается не столько физическими страданиями, сколько неимоверным упадком всех физических, интеллектуальных и душевных активностей и сопряжено с тяжелейшей длительной депрессией, которая, в свою очередь, калечит и без того уже нездоровую психическую сущность. Поначалу я не хотел ни с кем разговаривать и большую часть суток проводил в тяжёлом, бредовом забытьё. По прошествии месяца, уже будучи на центральной (так называется тюрьма, СИЗО, следственный изолятор), я внезапно обнаружил, что я не то что бы не хочу разговаривать, но я уже не в состоянии владеть речевым аппаратом. Мимика лица была скована и плохо поддавалась контролю, речь была чрезвычайно растянута и невнятна и вызывала отвращение даже во мне самом. Как видно теперь, это было только начало.

Через полгода, Соломенский суд города Киева вынес мне приговор – семь лет лишения свободы с конфискацией имущества, которого у меня не было. Никаких апелляций и обжалований я не писал и тогда уже смирился со своей участью.

19 февраля 2003 года меня этапировали в место отбывания наказания. Это оказалась зона усиленного режима, под названием ИК-42, и располагалась она в п.г.т Маневичи, что в Волынской области, в семидесяти километрах от города Луцка. На зону мы приехали глубокой ночью и местный ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) весьма «радушно» встретил нас. Популярно объяснил нам, «кто есть кто» и выписав по три «дубинала» (так называется спецсредство – резиновая дубинка специальной формы) отправил нас в «карантин». Карантином называется специальное помещение, где содержатся вновь прибывшие заключённые до распределения по отрядам. Эта зона с довольно таки строгим режимом содержания. Подъём в шесть утра, зарядка, строем в столовую, регулярные «шмоны» (жарг. обыск). За 15 месяцев, проведённых мной там, я дважды стал свидетелем и участником увлекательнейшего мероприятия, именуемого «маски шоу». Не могу не рассказать об этом. «Маски шоу», так, не без доли юмора, заключённые называют тренировочные учения специальной группы быстрого реагирования. Это подразделение существует для подавления бунтов, различного рода чрезвычайных ситуаций, побегов, массовых беспорядков в местах лишения свободы. Как правило, такие «учения», это полная неожиданность для заключённых. Обычный, такой, день и ничто не предвещает беды. Кто играет в нарды, кто смотрит телевизор, другие гуляют в локалке (так называется прилегающая к барaku территория, огороженная по всем правилам безопасности от других барakov и от центральной аллеи). И вдруг, раздаётся душераздирающий вой сирены. Особенно впечатляют выражения лиц, секунду назад был слышен смех и видны улыбки, и вот, в мгновение ока, на всех лицах уже лежит печать страха, а в глазах – ужас. На мгновение наступает тишина, и все замирают. Ещё секунда – и начинается паника, люди мечутся, сбивают друг друга, выпрыгивают в окна, ища спасение. В это же время по линде (так называется центральная аллея между рядами барakov) уже стремительно мчится БТР, а за ним пожарная машина, слышен лай ошалевших собак. Ворота распахиваются, и начинается штурм. Это происходит следующим образом. Около сорока человек, экипированных в духе S.W.A.T., в бронежилетах, с АК-эмами штурмовой модификации, в чёрных масках с прорезями для глаз и для рта, с криками и матом врываются в локалку. Часть их, окружает барак с тыла и «с распротёртыми объётыями» встречает тех, кто вылетает из окон. Другая часть «штурмовиков», врывается в здание, предварительно бросая в окна взрывпакеты. Ворвавшись в здание, они стреляют по заключённым холостыми и орут одуревшими голосами, что создаёт невыносимую психологическую обстановку. Страх сгоняет людей в одну или несколько групп в разных частях здания. Из-за этого образуется столпотворение, и когда раздаётся команда «мордой в землю, руки за голову!»,

выполнить её всем, просто не представляется возможным, по причине нехватки места на полу. Тех, кто не успел лечь и кому не хватило на полу места, бьют прикладами и швыряют по сторонам. Я бы в жизни не поверил, что человек может в свободном полёте преодолеть около шести метров. «Штурмовики» все как на подбор, ниже 1м80см не встречаются, все широкоплечие, в отличной физической форме. После того, как «захват» окончен на всех этажах, звучит команда «на выход, по одному, бегом марш!». В это время, в коридоре, через который необходимо пробежать, уже стоят в шахматном порядке «штурмовики». Каждый из них наносит меткие, тренированной рукой, прицельные удары дубинкой по бегущим. Движимые страхом многие спотыкаются, падают, в результате чего получают в 2-3 раза больше ударов. Таким образом, по одному, на улицу выгоняют всех заключённых и выстраивают их по периметру локалки в известной позе – широко раздвинутые ноги и руки на стене. После этого начинается шмон. Необходимо очень быстро раздеться догола, а потом одеться снова и занять прежнюю позицию. Если скорость раздевания, по каким-либо причинам, неудовлетворительна – поощрение в виде пары «дубинов» гарантировано. В то же самое время некоторая часть «штурмовиков» шманирует барак. Они сваливают все личные вещи в одну кучу, разрывают матрасы и вытряхивают их туда же, вырывают цветы из горшков, ломают тумбочки, в поисках тайников и т.д. Немного позже, начинается не менее занимательная часть «шоу». В оперативной части существуют списки блатных (заключённые не покоряющиеся требованиям администрации, распространяющие воровские традиции, отказывающиеся от работы и т.д.). И вот, командир этого спецподразделения вызывает по этому списку людей, обычно это люди из так называемой «первой пятёрки», то есть пять самых авторитетных заключённых на бараке. Им предлагают взять в руки тряпку или веник. В случае отказа (что встречается не редко) их «воспитывают» особенно тщательно и методично и после этого дают обычно 15 суток ШИЗО (штрафной изолятор). На этом «учения» заканчиваются, и эта бригада убирается восвояси. Мне помнится то чувство облегчения, когда заходишь после всего этого в барак, а там – ни в сказке сказать, ни пером описать. Беспорядком это назвать нельзя, скорее подошло бы слово хаос. Но это обстоятельство мало кого тревожит, скорее наоборот, настроение у всех чрезвычайно приподнятое, несмотря на синяки, кровоподтёки, ссадины, сломанные рёбра и выбитые зубы. Это состояние я бы сравнил с ощущениями после выигранного сражения. Уже варится чай, и все собираются в кружках на руинах бывшего порядка и чистоты. Слышно, кто-то рассказывает, как он выпрыгнул со второго этажа, другой показывает кровоподтёк через всю спину, третий хвастает здоровенной шишкой от приклада. Уже завтра на промзоне (так называют промышленную часть лагеря, где сосредоточено производство) сошьют новые матрасы, а в столярке смастерят новые тумбочки. И снова слышен смех и видны улыбки.

По прошествии года, как я приехал на этот лагерь, моё состояние ухудшилось ещё вдвое прежнего. Я стал ещё хуже говорить и ещё более плохо ходить. С этой проблемой я обратился в местную санчасть. И главный врач отправил меня первым же этапом в областную тюремную больницу, которая находится в городе Львове, на территории тюрьмы. Помню своего лечащего врача. Её звали Людмила Иванова. С её подачи мне дали вторую группу инвалидности и направили на знаменитую зону – СИК-45, что находится в посёлке Макорты, в семнадцати километрах от города Кривого Рога. Следует отметить, что инвалидность, полученная в местах лишения свободы, не предполагает никакой социальной помощи, а только лишь освобождает от работ.

Никогда не забуду тот июльский этап. На дворе стояла необыкновенная жара. В первой половине дня, когда нас грузили в воронки, было ещё терпимо. Но ближе к обеду, когда мы уже ехали в «столыпине» (так называется специально оборудованный вагон для перевозки заключённых), тогда стало действительно душно. Примечательно то, каким образом происходила укомплектовка «столыпина» эсками. Те, кому доводилось побывать в таких местах, знают, что заключённые делятся по режимам, которых насчитывается четыре – общий (первоходки, с лёгкими статьями), усиленный (первоходки, с тяжкими и средней тяжести статьями), строгий (больше одной ходки) и особый (особо опасные преступники, рецидивисты, «крытники», то есть отбывающие наказание в специализированных тюрьмах строгого режима и т.д.). Все лагеря делятся соответственно, и в соответствии с режимом конкретного заключённого и его географической принадлежностью, он этапируется в ту или иную зону. Подобное разделение строго соблюдается повсюду в пенитенциарной системе и, особенно, при транспортировке заключённых. Так вот, в нашем этапе, количественное отношение режимов было в сильной диспропорции. По этой причине, одни купе были полупустые, а другие набиты до отказа. В частности, в том купе, где ехал я, чудесным образом умещалось ещё семнадцать человек. Сюда следует добавить ещё то, что подавляющее большинство заключённых курящие, и, кроме того, умудряются в таких условиях варить чай на «факелах» (фрагменты простыней, тряпки, иногда чья-то одежда, используемые в качестве топлива). Думаю, не трудно представить себе такую поездочку. Этап длился около двадцати часов, по той причине, что «столыпин» комплектуется задолго до отправки, и весь лишний промежуток времени стоит на запасном пути. В последние семь часов этого «турне», духота в вагоне достигла мыслимых пределов. В «столыпине» окна предусмотрены только с одной стороны, там, где ходит конвой. Несмотря на то, что эти окна были приоткрыты, это не спасало от ужасной жары, которая образовалась внутри. Многие теряли сознание, периодически приходя в себя. Однако от курения и от приготовления чая никто не отказывался, несмотря на все угрозы и ругань конвоя. Когда нас выгрузили на днепропетровском центре, я был близок к тому, чтобы расцеловать грязный асфальт от счастья.

3 июля 2004 года я прибыл на СИК-45. Эта зона являет собой исключение из числа прочих зон тем, что она неофициально считается инвалидной колонией, куда свозят инвалидов со всей страны – слепых, безногих, парализованных, и прочих доходяг. По этой причине, режимы на этом лагере смешаны, и разделены только различными бараками, да и то не везде. Между заключёнными эта зона называется «долина смерти», по причине чрезвычайно высокой смертности. В среднем, за неделю, умирает четырнадцать человек, но эта статистика не точна и основана не на документации, а скорее на устных свидетельствах, а реальное положение вещей значительно

отличается от статистических данных. Так, например, помню период, когда за неделю умерло шестьдесят человек. А во времена голода (1999-2000), это число было больше в несколько раз (опять же со слов очевидцев). Несмотря на то, что администрация уклоняется назвать точную цифру умерших за какой-либо период, об этом можно составить некоторое представление, посетив прилегающее к зоне кладбище. Я думаю, за десятилетний период, это число вряд ли окажется меньше 2000-2500, а то и больше. Число заключённых в этой колонии может колебаться от 1000 до 1500 человек. На лагере большая санчасть (по сравнению с другими зонами), приблизительно на 300 койко-мест. Этот лагерь выгодно выделяется среди прочих зон Украины обилием растительности. В локалках есть деревья и трава, местами можно встретить кустарник. Это контраст поразил меня после ВК-42, где сплошной бетон и асфальт. Кроме того, на зоне довольно развито огородничество и животноводство. Это является неплохим подспорьем для заключённых. На промзоне есть швейный цех, кузница, столярная и автомастерские.

Что и говорить, я был поражён, приехав на этот лагерь. Первое, что бросилось в глаза, это обилие абрикосовых деревьев, которые гнулись от плодов.

После карантина, я попал на 10-ый отряд, что я расценил, как очередное «везение». Человек, который был «в ответе» (так называют авторитетного человека который отвечает перед Ворами в законе за порядки на подконтрольной ему территории) за наш барак, оказался моим земляком, с одного со мною района. У нас оказалось много общих знакомых (в криминальных кругах). Он тепло меня встретил и поселил у себя в секции. За время моего пребывания там, сменилось несколько «смотрящих» (так администрация называет авторитетов, которые в ответе за тот или иной барак) и естественно не все они были моими земляками и питали ко мне симпатию. Однако особенного презрения и унижения по отношению ко мне, я не замечал. Частично, по причине того, что я был сравнительно грамотен, что довольно редко в таких местах. Ко мне обращались за помощью в переводе документации из Евросуда, и я никому не отказывал в ней. Кроме того, я был знаком с современными технологиями и меня довольно часто просили помочь настроить телевизор нового поколения. Или создать учётную запись для WAP-соединения в сотовом. Сотовая связь давно уже проникла за стены тюрем и в лагерь. И, несмотря на все усилия, администрация колоний не под силу изъять все средства связи. Этому способствует коррупция, за каких-то 200 гривен контролёр без труда занесёт в зону мобильный телефон.

В зоне две власти. Это власть администрации и власть авторитетов. И зачастую власть авторитетов превосходит влияние администрации. По той, вероятно, причине, что авторитеты являются органической частью массы заключённых, тогда как администрация, это внешняя по отношению к ним сила. Эти две власти с далёких, ещё советских времён, символично именуются именами цветов, власть администрации – «красная», и воровская, соответственно, – «чёрная». «Чёрная» власть представлена обычно в лице нескольких человек и приближённых к ним «стремящихся» (то есть желающих своими поступками обрести авторитет и влияние), а также ещё из нескольких человек, которые осуществляют прямое физическое влияние и контроль над массой. Они поощряют распространение этих традиций, а так же ряда определённых правил и ограничений. И наоборот, пресекают любые проявления беспорядков и произвола, а также наказывают за различные «бочины» (так называют поступки идущие вразрез с арестантской моралью – кража личных вещей, произвол, нечестная игра, интриганство и другие). Мне хорошо запомнился один случай, который хорошо иллюстрирует реальное проявление этой власти. На моём отряде был один человек, назовём его Врач. Этот Врач страдал каким-то психическим расстройством, но физически был абсолютно здоров, атлетического сложения человек. Он был правой рукой «смотрящего» и приводил наказания и различные «постановы» (публичные решения авторитетов) в исполнение. В тот день поймали на горячем одного картёжного шулера. Привели его к «смотрящему», задали пару наводящих вопросов. В то же время, Врач уже стоит рядом, потирает руки и следит за глазами «смотрящего». Вот, он ловит едва заметный знак и тут же раздаётся первый удар, это размашистый и звонкий удар в ухо. От неожиданности, виновник оказывается на полу. Ему предлагают встать, он нехотя поднимается, мгновение и ещё удар в печень. И опять он на полу и ему опять предлагают подняться. На этот раз он встаёт уже с трудом, держится за живот и ловит ртом воздух. Опять молниеносный обмен взглядами, опять утвердительный знак и вот, профессиональный апперкот отправляет виновника в нокаут. Таким вот образом, в зоне печат некоторые пороки. Исцеляющим образом действует скорее не физическая расправа, но унижение, лишение достоинства и связанные с этим моральные страдания, а также презрение окружающих.

Там то, я впервые и задумался над смыслом происходящих со мной вещей. Поначалу, это было просто желание во всём разобраться, но, шаг за шагом, я приближался и приближался к сути. Я начал читать Библию, в попытке найти ответы, но вопросов было слишком много. Однако ответы приходили самым неожиданным образом, в различных ситуациях, устами посторонних людей, явлениями природы со мной начал говорить Бог. Помню тот день, когда я действительно поверил. Это было летом, у меня был один друг, по имени Джамал, с которым мы беседовали на духовные темы, и который не обращал внимания на мою ужасную речь. Мы сидели в локалке и читали книгу одного восточного мыслителя, по предзоннику (так называют первую линию заграждения вокруг зоны, это полоса между двумя рядами колючей проволоки) бродили коровы, овцы, козы, светило солнце, стояла тёплая и ясная погода. И вот, в какой-то момент чтения, к нам подошёл некто Иранец(прозвище изменено). Это был известный человек в преступном мире, за плечами которого был побег и двадцать пять лет отсидки. Он был образован и знал, с его слов, двенадцать языков, в числе которых были иврит, фарси и другие незнакомые нашему слуху языки. Он очень любил «толкать речи» и приводить слушателей в удивление, то есть был несколько самолюбив и всегда уверен в своей правоте. Подойдя к нам, он взял книгу, пробежал глазами несколько страниц, и авторитетно заявил, что, мол, всё это чушь, и произнёс ещё какую-то тираду, не имеющую к делу никакого отношения. Оставшись доволен собой, он положил книгу на стол за нашими спинами и проследовал далее. Некоторое время мы сидели и переваривали сказанное, когда,

внезапно, до меня донёсся какой-то шелест, я обернулся в поиске источника и с ужасом увидел следующую картину – непонятным образом попавший в локалку козёл (я имею в виду животное), самым подлым образом подкрался сзади к столу и предательски поедал страницы книги. В последний момент, когда мы его шуганули, он успел оторвать ещё две страницы, и пустившись от крика Джамала наутёк, лихорадочно «дочитывал» эти страницы, быстро двигая челюстями. После ступора меня разобрал такой смех, что я едва удержался на лавке, чтобы не скатиться на землю. Мне внезапно открылся весь комизм происшедшего. Я понял, что вся польза, которую Иранец извлёк из прочитанного, была так же велика и столько же ценна, как и польза от съеденных козлом страниц. Я поделился этим открытием с Джамалом, и мы долго ещё хохотали. Таким образом, мне открылся божественный юмор, и удивительный символизм, который очень часто скрыт от нашего взгляда, но, тем не менее, присутствует повсюду. Этот случай укрепил мою веру и открыл мне глаза на многие вещи.

В зоне действуют несколько христианских общин, а также небольшая еврейская. На территории есть православный храм. Протестанты представлены в лице харизматов и адвентистов седьмого дня. Довольно часто приезжают миссионеры от этих двух конфессий и проводят различные программы и выступления на летней эстраде. Особенный интерес к тюремному служению проявляет адвентистская церковь. Практически каждую субботу в зону приезжает пресвитер криворожской общины [Юрий Руссу](#) с обучающей библейской программой. Время от времени заключённых этой колонии навещает [Олег Капачын](#). Они привозят христианскую литературу, одежду, медикаменты, инвалидные коляски, обучающие программы, налаживают контакты с администрацией и оказывают всяческую возможную поддержку.

Тем временем мне становилось всё хуже и хуже. Постепенно, стали происходить изменения с походкой, речь ухудшилась ещё в несколько раз, изменилась моторика конечностей, левая рука пришла в весьма плачевное состояние, да и правая приобрела сильную судорожную активность. Так, например, взяв чашку чая, я мог внезапно опрокинуть её за спину, чем приводил в замешательство окружающих. Я не мог уже нормально есть и пить из-за судорожных сокращений лица.

И вот, наконец, наступил день моего освобождения. Это было 27 декабря 2007 года. Меня освободили условно-досрочно, то есть я не досидел год и восемь месяцев. Очутившись на воле, я столкнулся с новой проблемой. Оказалось, за время моих «путешествий» по лагерям Украины, таинственным образом исчез мой паспорт. Началась бюрократическая волокита. Для того, что бы получить новые документы нужно собрать кучу справок и заполнить уйму различных форм. Кроме того, необходимо сделать флюорографию. И вот, на первой же флюорографии, у меня обнаруживается туберкулёз. Врачи бьют тревогу и силком направляют меня в городской тубдиспансер. С трудом добрался туда, не без помощи родителей. В кабинете меня встретил довольно-таки молодой специалист. Он был шокирован моим видом. Посмотрев снимки, глянув на меня поверх очков, он некоторое время пребывал в раздумье. Очнувшись, он начал быстро писать каракулевым почерком направление. Закончив, он сказал следующее: «я выписал Вам направление, в специализированное туботделение, для людей с неврологическими отклонениями. Это под Киевом, в селе Глеваха». На этом мы расстались. Стоит ли говорить, что он обманул меня самым наглým образом? Наверное, всё же нет. По той причине, что мой внешний вид, наталкивал на мысль о моей психической невменяемости. И вот, я еду в Глеваху. В электричке ко мне начинают закрадываться некоторые сомнения, которые усиливаются, когда я увидел это отделение. Длинное одноэтажное здание, с внушительного вида решётками на окнах. Все мои сомнения окончательно развеялись, когда за моей спиной захлопнулась тяжёлая металлическая дверь. И где бы, Вы думали, я оказался? Угадали, это была закрытая психиатрическая клиника. А точнее, знаменитый дурдом, в котором около дюжины отделений, различного направления.

Глеваха... это удивительное место, которое стоит того, чтобы о нём рассказать. Будучи там, я вёл небольшой дневник. Вот некоторые выписки из него:

22 февраля 2008

Вы когда-нибудь видели сорокалетнюю женщину с интеллектом трёхлетнего ребёнка? Которая от малейшего раздражителя бросается в плач, готовая уткнуться в первую попавшуюся юбку. Доводилось ли Вам видеть выжившего из ума старика, которого общество отрыгнуло и выплюнуло в клоаку психиатрической клиники. Он бы и рад умереть, но жизнь продолжает влачить его по ухабам страдания и мучений. И поверьте, со скотиной обращаются лучше. Вы когда-нибудь видели девушку с диагнозом «болезнь Дауна»? Её лицо, размером с кофейное блюдце, а как она ест, Вы видели? Беззубая, обхватив обеими руками размокший от слюны кусок хлеба, с лицом, перемазанным кашей, как бы не замечая окружающего её мира... Я был там. Я видел всё это. И поневоле, подобно пульсирующему нарыву, в сознании возникает будоражащее – почему? Почему по вине родителей страдают дети? Почему рождаются эти несчастные существа, уроды? Неужели за всем этим скрывается чудовищный промысел Всевышнего? У меня нет ответов на эти вопросы. Быть может, они есть у Вас?

23 февраля 2008

В который раз небо не выдержало всего этого непотребства и разрыдалось холодным февральским дождём. Оно жалобно подвывало неистовым ветром и в бессильной ярости бросалось на вековые стволы деревьев, а те лишь невозмутимо покачивались, как бы давая понять, мол, и не такое видали. Озябшая от дождя и ветра псина, поджав хвост, жалась к двери, в надежде, что её пустят. И её пустили. И как бы подыгрывая стихии, у шизофреников началось

обострение. Они бормотали на все лады разную чушь, понукаемые воспалённым сознанием, несчастные, не в силах осмыслить эту необъятную реальность. И даже буйный из соседнего изолятора подозрительно затих. И только где-то далеко-далеко, в ординаторской, о чём-то шумно матерились бабы-санитарки, нарушая всеобщую гармонию. Отовсюду ползла, стелилась по полу, просачивалась сквозь щели, нагло лезла в окна чёрная скука, желая заключить всех в свои душные объятия. И только глубоко-глубоко, в сокровенных недрах души рождалась надежда, что будет ещё весна, и будет трава, и будет лето, и будет солнце...

25 февраля 2008

Шарик был местной знаменитостью. Судя по седине на его добрейшей морде, он был уже в почтенном возрасте, но в каком именно, не знал никто, как никто не знал, откуда он вообще появился в отделении, ни старожилы, ни санитарки, ни даже заведующий. Несмотря на свой возраст, он был полон сил и регулярно ходил на randevu к местным сукам, а его испещрённое шрамами тело намекало на солидный опыт и говорило о поразительном знании собачьей жизни. Его любили все, даже те, кто в принципе не был способен на такое возвышенное чувство, а он, со своей стороны, никому не отказывал в любезности погладить себя. Кроме того, Шарик обладал одним замечательным свойством, – кто бы ни приходил к власти, какие бы законы ни принимались, какой бы ни был коэффициент инфляции – он был постоянно сыт и доволен собой. Этому, в частности, способствовали толстые, румяные кухарки, которые регулярно скармливали ему наши кровные котлеты и, как ни странно, никто не был против, а скорее наоборот, были даже за и всячески поощряли такую «коррупцию». К слову, Шарик был самой блатной породы, а именно – маститый дворняга. И когда он валялся, уставший, на кушетке в приёмной, глядя в его исполненные собачьей мудрости глаза, почему-то вдруг захотелось заключить Всевышнего в свои объятия и говорить Ему слова восторга и благодарности за такие моменты озарений, за всё это колоссальное разнообразие жизни, и вообще за это захватывающее путешествие в бесконечных циклах воплощений.

26 февраля 2008

Опять пришёл этот чёрный скептик. Он окинул оценивающим взглядом всё, что кропотливо и бережно созидалось в его отсутствие. Ухмыльнулся своей наглой рожей и заявив, что «всё – дерьмо», со всего размаху пнул ногой в самое сердце, и вся эта хрупкая конструкция рухнула и превратилась в жалкие развалины. Потом он произнёс блестящую тираду и долго цитировал различные Писания и приводил ужасные, неопровержимые аргументы, с которыми невозможно было спорить. И он говорил и говорил, говорил, что надежда – продажная шлюха и что всё кончено и что ничего не будет, да и быть не может. И что тебе, собственно говоря, настал гаплык, и пора сливать воду. Хотелось улучшить подходящий момент, схватить его за горло и задушить мерзавца. Но вот беда, никакого горла у него и в помине не было, как не было у него ни рук, ни ног, ни головы, ни даже более менее осязаемой задницы. А всё что было, так это лишь чудовищный, деструктивный принцип, дьявольская, ненасытная, отрицательная прогрессия, которая, если во время не включить свет, проглотит всё и даже не скажет спасибо. И на вопрос кто он вообще такой и что ему от меня нужно он, почему то, отвечал словами Мефистофеля: [«Часть вечной силы я, всегда желавшей зла, творившей лишь благое. ...Я отрицаю всё — и в этом суть моя...»](#)

27 февраля 2008

Далеко на востоке из за подёрнутого утренней дымкой леса медленно и величественно выползало последнее февральское солнце. Оно весело играло ослепительными лучами, проникая в самые укромные уголки не очень-то живописного ландшафта и клятвенно обещало светить весь день. И было просто невозможно не верить этому обещанию. И местный птичий оркестр, как нельзя слаженно, исполнял изумительную симфонию, сопровождая торжественное шествие этого великого светила.

В этот многообещающий, солнечный день в отделение пришли монахини, служители красного креста, о чём красноречиво свидетельствовал соответствующий символ на их белоснежных накидках. Они принесли сладости и маленькие карманные, небесного цвета Евангелия. Во мгновение ока всё отделение чудесным образом ожило и у входа выстроилась пёстрая очередь. Почему то печенье и конфеты разбирали охотнее, чем синие книжечки, но и те не остались без внимания. Как выяснилось впоследствии, они служили не только спасению души, но и менее благородным целям. В частности, нежные страницы этих священных текстов можно было увидеть в самых неожиданных местах, например в сортире. В палатах закипела оживлённая возня – все дружно уплетали церковные благословения и маламурили всякий вздор. И редко-редко, на считанных лицах можно было прочесть чувство благодарности. Всё это воспринималось как должное. От этого зрелища становилось обидно и грустно и в сердце рождалась болезненное, жгучее покаяние.

28 февраля 2008

Помимо всего прочего была здесь также местная достопримечательность — огромный, ржавый, всегда доверху набитый мусорный контейнер с сюрреалистично валявшимися вокруг, безжалостно отвергнутыми предметами быта. Он располагался прямо напротив окна. Но примечательно было другое, каждое утро он чудесным образом оживал—со всей округи слеталась разномастная птичья братия, поживится хвалёными благами цивилизации. Как и в любом, более-менее одушевлённом коллективе, у них была своя иерархия. Огромные, чёрные как смоль вороны, по видимому, занимали в ней главенствующее положение, они важно, вразвалку ходили по кучам мусора и выбирали лучшие, по их

мнению, фрагменты органики. Между ними, учтиво кланяясь и соблюдая некую субординацию, затесались голуби. Время от времени прилетали белогрудые, длиннохвостые галки у которых, очевидно, была негласная договорённость с чёрной братвой, они долго не задерживались, брали нужные товары и улетали восвояси. Всё это время представители низшей касты, воробьиная стая, с нетерпением ждала своей очереди, и лишь немногие смельчаки, отважные асы, совершали виртуозные манёвры и на бреющем полёте хватали свою добычу. И только гордые, одетые в пёстрые мундиры снегири, как видно, считали ниже своего достоинства присутствовать на этом банкете и деловито игнорировали это плебейское общество.

За всем этим угадывалась поразительная игра Духа и, казалось, сам Всевышний лукаво подмигивает, как бы приглашая оценить это причудливое действо.

1 марта 2008

Жизнь во всех её проявлениях поразительно всепроникающа. И даже, казалось бы, абсолютно безжизненные камни, всё же, несут на себе отпечаток творческой силы. И всюду величественно царствует красота. Кра-со-та... Чем же является в своей сути эта неразлучная спутница жизни? Красота это слаженная пропорция, изящество линий, гармония силы и грации, духа и тела, формы и содержания... - сказал бы какой-нибудь эстет. Но согласится с таким определением а ргіогі, значило бы совершить непростительную ошибку. Хотя бы потому, что красота скрывается везде и во всём и не зависит от мерил и пропорций, посмеивается над идеалами форм и презирует изменчивые эстетические стандарты, везде и во всём, даже в аномальных, выходящих за мыслимые рамки, патологических феноменах. Но редко кому удаётся увидеть её неуловимые очертания или ощутить её незримое присутствие. Она родилась с безнадёжным диагнозом — «олигофрения». Очевидно, по этой причине от нее отказалась мать. Приличный отрезок своей жизни она провела в закрытой психиатрической клинике. Её охотно кормили нейрорептиками, а доктора наук защищали на ней свои диссертации. Обитатели дурдома прозвали её ласковым прозвищем—Бульдозер, за её малый рост, широкие, неженские плечи и чрезвычайно гипертрофированные бёдра. Но она ни на кого не обижалась, а если быть честным, она вообще не умела обижаться и благосклонно относилась к каждому, не взирая на лица. Самое страшное, а быть может, самое утешительное было то, что она даже не подозревала о своей патологии. А с непривычки взглянув на её обезображенное лицо, по телу пробегал озноб и даже самый пронизательный эстет, глядя на неё, вряд ли смог бы разглядеть хоть какие-нибудь проявления красоты. Но поверьте, она там была, сокровенная, она скрывалась в укромных уголках её существа. Это была красота Духа, который терпеливо сносил все оскорбления, Духа, который тайно совершал одному Богу известную работу, Духа, который повсюду, куда ни глянь, изливает свою великую милость...

2 марта 2008

Ей было всего-навсего девятнадцать лет. И во всём отделении, да что там — в отделении, во всей обширной округе она была самой красивой. И не просто красивой, а красивой той славной, здоровой, известной всему миру славянской красотой. Её лицо, в обрамлении длинных русых волос, нереально огромные, фантастично синие глаза, идеально очерченные линии носа, губ, немного робкий подбородок, всё это настойчиво просилось застыть под рукою портретиста. Высокий гибкий стан, большая, правильной формы грудь, пышные, манящие бёдра демонстрировали непревзойдённое мастерство верховного Архитектора. Но всю эту гармонию портил один мерзкий, невротический, или даже скорее полиневротический бес, который не давал ей и минуты покоя. Естественно, никто не знал причины этого душевного расстройства, которая, несомненно, в чём-то таинственно крылась. Эта бедная девушка не могла спокойно усидеть на месте и нескольких минут, а её белоснежные руки постоянно бились высокочастотной, мелкоамплитудной дрожью. Она постоянно просила дать её какую ни будь работу и хитрые санитарки, съевшие не одну собаку на своей работе, охотно уступали ей свои обязанности по уборке палат, коридора и близлежащей территории. И только лишь спасительный азотиптол дарил ей кратковременное, болезненное забытьё, не давая, таким образом, окончательно свихнуться. И когда она, нагнувшись, усердно и добросовестно мыла пол, совершая поступательные движения—перед глазами, по известной причине, подобно вспышкам стробоскопа, вспыхивали причудливые картины совокуплений, которые бдительный разум тут же, на месте, расстреливал незримым бластером Духа—ни о какой близости и речи быть не могло. Потому что в этом, не на шутку привлекательном теле, прятался совсем ещё маленький, беззащитный ребёнок, который был не в силах справиться с холодным и стремительным ветром реальности. Подобно тому, как неопытный кормчий не в силах справиться с разбушевавшейся стихией.

9 марта 2008

С такой же завидной регулярностью, с которой встаёт солнце и взимаются налоги, три раза в день у входа в столовую выстраивалась оживлённая очередь. Она представляла собою какое-то нелепое, не укладывающееся в голову и отдающее траурным духом сборище призраков. Шизофреники, дебилы, олигофрены, психопаты, имбицилы, суицидники, выжившие из ума старики, пожилые женщины, босые, с безумными глазами, все они, повинувшись неумолимой потребности в пище, медленно вползали в зияющую пасть местной ресторации. По выражению их лиц, а если быть точным, по отсутствию каких либо выражений на них, можно было отчётливо читать—аминазин, циклодол, паркопан и реже, по текущей изо рта слюне, страшное — галоперидол... Всё это шествие возглавляла, возвышаясь подобно Минерве, санитарка. Она координировала, на манеру регулировщика, всё это движение. — Так, проходимо, сидаемо, быстришэ! Дина, паскуда! Куды лизыш!—ухватив её и ткнув в нужном направлении. — Куды пхаеш, курва! Йиж тут, я тоби сказала!— её глаза уверенно и молниеносно рыскали по десяти столам и

свели, чтобы никто не забирал с собою хлеб. При этом она успевала перекиваться репликами с кухаркой, разговаривать по телефону, отпускать оплеухи, кому считала необходимым и испытывать одной ей ведомое удовольствие. — Дайте мне масла! — Ты дывы, масла йий дай! Я вас, падлюк, накормлю! Жэрымэш, шо дають! На выходе она производила беглую ревизию и выдавала каждому жменю разноцветных и разнокалиберных пилюль, и звучала соответствующая команда: — Ковтай! И попробуйте только не «ковтнуть»! После трапезы наступал тихий час. Почему он назывался именно «час», хотя продолжался целых четыре часа — никто не знал и, по-видимому, не задумывался над этим принципиальным вопросом. Чудодейственные пилюли медленно просачивались в кровь, и отделение замирало. И только глубокий, утробный храп да мирное посапывание стареньких дедушек нарушали мертвецкую тишину. Почему то возникало жгучее желание поймать этого самого главного доктора, ухватить его за глотку и прямо в его лоснящуюся рожу зычно так гаркнуть: — Ка-каая к чёрту терапия!!!!!!????? И воспалённый разум, обратив беспристрастное око расследования, как никогда самоотверженно и страстно искал причины всего этого чудовищного кошмара. И не находил.

16 марта 2008

Сегодня, в четыре часа утра, скончался бедный Нострадамус. Ему было около шестидесяти лет. Такое прозвище он получил по двум причинам. Первая крылась в том, что он болел шизофренией и, накрывшись с головой одеялом, бормотал какую-то околесицу. Вторая же была такова, что он безошибочно угадывал, что именно дадут на завтрак. Он был пламенным волонтером, хотя, очевидно не подозревал об этом и даже не знал такого слова. Тем не менее, все семь лет, а именно столько он находился в дурдоме, Нострадамус исправно задействовал себя во всевозможных сезонных и регулярных работах. Но последние полгода здоровье ему изменило и, буквально, за какой-то месяц его лёгкие съела безжалостная и ненасытная, продолговатая бактерия доктора Коха. Все, кто бы ни заходил в палату, предварительно надевали маску скорби и произносили заученную формулу «Царство ему Небесное». За всем этим чувствовалась фальшь и было отчётливо видно, что никакой скорби входящие не испытывают, а скорее наоборот, находятся в приподнятом настроении духа и что движет ими древнее ярмо традиции. И как бы в подтверждение такому видению событий сквозь оконную решётку невозмутимо глядело сияющее солнце, а его всепроникающие лучи весело играли в какую то, никому не ведомую игру, на посиневшем лице покойника. И было предельно ясно, что это именно тот день, самый подходящий день, что бы умереть. И почему-то не казались уже такими абсурдными, эти строки Экклезиаста: «...и день смерти лучше дня рождения».

14 апреля 2008

И вот, когда никто её не ждал, в окно заглянула проказница весна. Она дождалась, пока её заметят, хихикнула и припустила по больничному саду. И всё, к чему бы она ни прикасалась,— тот час выпячивалось, набухало, демонстративно вываливалось, одевалось во всё новое или же наоборот, раздевалось, сбрасывая с себя всё старое. Всё стелилось, росло, распускалось, цвело под безудержным напором проснувшейся жизни и сознания. Она взорвалась абрикосовым и вишнёвым цветом, привлекая несметные полчища одуревших, жаждущих пыльцы и нектара пчёл. Она шуршала в траве насекомыми, шумела кронами деревьев и кокетливо прихорашивалась, как бы желая отдаться огромному, пылающему страстью солнцу, с тем, что бы в известный срок родить красное, орущее благим матом лето. Всё это повторялось тысячи, сотни тысяч и миллионы раз, но с каждым следующим циклом этот непревзойдённый Режиссёр поражает своими потрясающими представлениями и удивляет всё новыми и новыми фокусами гармоний тех, кто способен видеть...

15 апреля 2008

Так кто же он? Который желает, ищет, ждёт чего то, чего то добивается, принимает и отвергает, любит и ненавидит, милосердно прощает и безжалостно мстит, ищет совершенство и никогда не находит, благословляет и проклинает, убивает и зачинает, собирает и разбрасывает, защищается и нападает, помнит и забывает. Кто он, испытывающий восторг и ужас? Мне неизвестно.

Я пробыл в этом дурдоме немногим больше двух месяцев.

И вот, я, наконец-то, дома. Сажу в своей комнате за компьютером и пишу эти строки. Изредка я гляжу в окно. Там ездят автомобили, ходят люди, разговаривают о чём-то, смеются, живут своей жизнью. О, как далеки они от меня, какая между нами чудовищная пропасть! Как я любил свободу, дня не мог пробыть на одном месте — и вот, я вынужден сидеть взаперти. Как я любил произносить красивые и приятные речи — и вот, из уст моих ужас. Моё существование превратилось в кошмар, в чудовищную притчу, всё «...чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне». Но я продолжаю жить, пытаюсь как то существовать, не надеясь на исцеление и на чудо, потому что кто я такой, что бы спорить со Всевышним?

Почему так случилось? Почему я встал на этот путь? Почему сотни тысяч и миллионы молодых людей каждый день выбирают эту дорогу? Вот те вопросы, которые я задаю себе, и которые как никогда актуальны сегодня.

Первая причина, которая предстаёт передо мной, это время. Время ярких оберток и рекламных огней. Время наигранных эмоций и искусного лицемерия. Время вседозволенности и неконтролируемых желаний. Время порнографии и легальной педерастии. Время эпидемий и вакцин. Время материального прогресса и духовного

невежества. Время колоссальных перспектив и чудовищных опасностей. Как тут не вспомнить Павла: «...наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся...» (2-е Тимофею 3:1-5). Загляните в среду наркоманов, и Вы увидите всё это, и даже больше этого. И не только в среде наркоманов, но везде, где водятся удовольствие, деньги, власть и т.д., Вы найдёте все эти качества в различных аранжировках, в большей или меньшей концентрации. Вторая причина естественным образом вытекает из причины первой. Что это? Это наша толерантность и некое снисхождение к таким явлениям как наркомания, гомосексуализм, и к ряду вышеперечисленных качеств. Для пущей ясности понимания этих явлений, давайте совершим небольшой исторический экскурс. Все ещё помнят советские времена, а те, кто не помнит, знают о них по рассказам, из книг, телепередач и других источников. Что это была за идеология, также известно всем. Партийная диктатура, насаждающая идею коллективизма, то есть, когда Ваше «Я» приносится в жертву некому абстрактному государству, коллективу. Соответственно, чем больше и ценнее была Ваша жертва, чем плодотворнее была Ваша деятельность на благо этому красному идолу, тем выше был Ваш социальный статус, Вас поощряли грамотами, профсоюзными путёвками, квартирами и прочими благами. Личности не существовало, лишь государство, партия, родина, только их интерес, их польза, всё остальное, в том числе и Ваше «Я», было лишь средством, топливом, дровами для красного пламени пролетариата. Но честолюбивым планам гения революции, как видно, не суждено было свершиться. Главным образом потому, что идея была чужда народу, а сам народ в своей массе, вообще не достиг уровня сознательного следования какой-либо идее. Всё это искусственно насаждалось научными методами. С садика, со школы, готовили рабочую силу, тренированных, волов, ослов и коней, что бы они с детства привыкали к ярму, и были послушны в этой колоссальной упряжке. Но, как известно, всё искусственно созданное, рано или поздно выходит из строя, ослабевает, под безудержным напором жизни. И вот, всё то, что раньше скрывалось во мраке, все то, что пряталось под пышным убранством одежд, всё то, над чем тяготел моральный закон и этическое кредо, всё это, лишь только почуяв долгожданный запах свободы – тот час вырвалось на волю, обуреваемое неуправляемыми страстями, вывалилось, довольное, наружу. Тут же нашлись «учителя» и «корифеи» демократии и вместе с ними, под шумок, к нам хлынул весь этот поток диковинных удовольствий. Внезапно всё стало можно, никого уже не сажают за убеждения, да и статьи такой уже нет. И началась другая песня, с мелодичным и сладкозвучным мотивом. Это проповедь «священного эгоизма», ещё одна ублюдочная философия. Разве Вы не слышали о ней? Сам воздух пропитан ею, она лезет, сочится из всех дыр, из телевиденья, из СМИ, из «литературы», отовсюду. Удивлены? Лейтмотив этой философии Вам прекрасно известен – Вы самое ценное существо во вселенной, Ваша жизнь самая важная в мире, Ваша семья самая любимая семья среди прочих миллиардов семей. Аналогичным образом дело обстоит с Вашим удовольствием, амбициями, позовами к обладанию – они «впереди планеты всей». Эта философия оправдывает и мотивирует погоню за личным удовольствием. В чём бы оно ни заключалось – дорогим автомобиле или очередной дозе, принцип один и тот же. Вот отсюда, как раз, и проистекает наша толерантность. Это некий невидимый пакт, соглашение или договор, на котором каждый из нас ставит подпись своим молчанием. Потому что, «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает». (Лука 11:23)

И третья причина, на мой взгляд, это глубокий внутренний конфликт. Вопрос лишь в том, каким образом он разрешится. Либо Вы победитель, либо как я – проиграли эту битву.

Быть может, у Вас вполне благополучная семья, хорошо учатся дети, Вы окружили их заботой и пониманием и наивно полагаете, что всё это не коснётся Вас и обойдёт Вас стороной. Не будьте обмануты. Запомните – никто и никогда не даст Вам гарантии, что Ваш сын (или дочь) не станет на этот путь, запомните – никто и никогда.

Итак, я подошёл к самому главному, что хотел сказать, к самой сути этой истории. Если Вам доведётся встретиться с кайфом в любом из его изменчивых облиций, будь то лицо Вашего лучшего друга или Ваша собственное дурное любопытство, или желание «реализоваться» и быть как «все» – бегите, бегите и не оглядывайтесь, потому что Вы уже влипли, Вы уже на крючке...

[Иван Славинский](#)

Также по теме:

[Трудный путь ко Всевышнему](#)

[Свобода, которой нет](#)

[Тюремное служение позволяет встретить Христа](#)

[Тюремное служение позволяет разделить радость рождения человека к новой жизни](#)

[В колонии строгого режима Вечеря Господня прошла по строго библейскому образцу](#)

[Бог исцеляет инвалидов для строительства реабилитационного центра](#)

[Олег Капацын: «Приходить отверженным в Церковь мешают христиане»](#)

[Спасение за колючей проволокой](#)

[Ищи тех, кому хуже, чем тебе](#)

[Обреченные](#)

[Без табу – о горе и надежде](#)

[Тюремное служение: благие пожелания и реальные дела](#)

[Украшение вместо пепла](#)